Русалка

На погребении уже никто не решался спорить, утопилась Женя или утонула. Наташи не было: ей, наверно, не сообщили. Гроб закопали как-то совсем быстро. И родные говорили последние слова коротко, с натугой. Как будто за неимением чувств к дочери, её мама рассказывала, как хоронила свою мать. Слова отца были похожи на тост: «Нельзя родителям хоронить своих детей». Разве что тётя сказала, какая Женя была умная и серьёзная, даже в детстве. Это было чистой правдой. Брат промолчал – не считал обязательным или его душила вина?

В тишине наблюдали, как доделывают свою работу могильщики. Бедный Лёша, её бывший муж, сидел на коленях у ямы и просил прощения. «Да пусть хоть в могилу прыгает, мне-то что», – на чей-то вопрос громко ответила её мать. Без суда и следствия вся семья превратила его в козла отпущения: утопилась из-за тоски по нему, предателю. Он и у Жени был виноватым. Характер у неё был тяжёлый, и это тоже правда.

Пока я не переехала в другой город, держала здесь свой магазин одежды. Они ещё женатыми как-то пришли за рубашкой. Она и выбирала, и в примерочную носила, и за него говорила: «В этой – кривой, в той – старый». А он молчал. На мой вопрос, почему выбирает за него, сказала, что он индюк в этом деле.

О н а. Ну, какие тебе нравятся? – тоном учительницы.

О н. Я бы обе синих взял.

О н а. Нет, они скучные и почти одинаковые.

И купила что-то на своё усмотрение. А он ведь потом носил.

Про Наташу, вероятно, никто не знал. Поэтому и не сообщили. А если бы знали, то тем более не сообщили бы. Нужно ли ей это? У неё семья, ребёнок, правильная жизнь…

Прошло два года с Крыма. Тогда мы с Женей сидели у берега на ярких пуфиках под белой дощатой крышей беседки и ели алкогольное мороженое. По микрофону объявили открытый танцевальный урок, хотя был разгар дня. Целый час на сцене худо-бедно танцевали несколько женщин, повторяя движения за тренершей. У неё была модная причёска – с выбритыми до верхушек ушей висками и хвостом на макушке. Причём она выглядела вполне женственно и танцевала очень вкусно, как в клипах Бейонсе. Но почему это так всерьёз тронуло Женю, сказать не могу. Весь час она повторяла, что влюбилась в эти танцы, и притоптывала ногой.

После выступления Женя познакомилась с тренершей, Наташей, и сразу попросилась к ним в команду, не обсудив это со мной. Мы поссорились и почти весь отдых провели раздельно. Я загорала на пляже, пока Женя пропадала на танцах. Как-то ночью она плохо спала, ворочалась и светила экраном. Наверно, тогда всё и началось. Потому что следующим вечером она не пришла домой и написала, что ночует с девчонками. Долгое время я так и думала, что она просто влюбилась в танцы. Хотя и видела их рядом (Наташа провожала нас тогда до трансфера) и меня удивило, как восхищённо Женя смотрела на неё. Так девочки смотрят на красивых женщин, мечтая вырасти такими же. И это было странно для гордой, где-то жестковатой Жени.

А через год после Крыма она развелась с мужем и всё мне рассказала.

Мы сидели у неё дома, муж уже съехал к другой. Она встретила меня с опухшими лбом и губой – так наплакалась. Первые месяцы после развода он каждую ночь в кошмарах от неё уходил, не давал выспаться. И похудела на два размера – как раз того времени и фото на могиле. Но было у неё убрано, приготовлено, и я не сильно беспокоилась. А через полгода она и вовсе выкарабкалась из этой ямы – так мне казалось. Но, может, из ямы развода и выкарабкалась, а из своей главной, жизненной ямы – нет.

Вдруг, будто для передышки, чтобы высохли глаза от разговоров о муже, она начала:

– А ты знаешь, что меня в детстве брат домогался?

– Как «домогался»?

– Да вот так. На ночь просил с ним в кровати остаться, – видите ли, ему страшно одному. И когда засыпали, руку свою на моё бедро клал.

– Что ты?! Но до дела не дошло, нет? Ты родителям не говорила?

– Вроде не дошло. Да не говорят дети о таком родителям. И ты знаешь мою маму, я ей боялась сказать, что живот болит.

А может, было что-то страшнее, чем помнила Женя. И она это вдруг вспомнила и утопилась. Женин брат стоял ко мне спиной. Когда он поворачивал голову, я пыталась найти ответ в его лице: раскаивается или нет? Когда мы были маленькие, он нам с Женей кидал монетки с балкона, а мы носились и подбирали. А потом, счастливые, бежали за мороженым. Может, и в этом есть что-то плохое? Женя бы сказала, она многое могла объяснить, хотя и странным образом.

Как, например, она объясняла про себя. Подвела меня тогда к туалетному столику, на нём стояли фигурки русалок.

– Русалка – это не сказка, а реальная болезнь души, – сказала она. – И Лёша правильно сделал, что ушёл: я не умею любить по-человечески, я мужчин зазываю и убиваю. И родить не могу, потому что вместо матки и ног – хвост. Секса у нас три года не было. Из-за меня. Вот и подыскал шалаву, пятнадцать лет наших отношений засунул ей в дыру.

Её весь вечер бросало от самобичевания к злости.

Про Наташу рассказала не сразу, почти перед моим уходом. Мы вяло обсуждали планы на ближайший год, как вдруг она оживилась, будто вспомнила хороший анекдот. Я уже обрадовалась, что заканчиваем на хорошей ноте, а тут такие подробности.

– Помнишь Наташу с Крыма? Тренера? Так вот, она в длинных шортах ходила до колен, и ноги у неё были как будто мужские, накачанные. С крепкими коленями. Когда я у неё ночевала – ты ведь знаешь, должна знать: мы спали вместе. Так вот, самое главное. Она как-то репетировала у зеркала перед сном, а я не выдержала, слезла с кровати, на четвереньках подползла и впилась ртом в эти колени. И вот тогда я только почувствовала: да, я животное, я человек, слава богу! На следующий вечер пыталась повторить, а уже не то…

Разошёлся ветер, песок с могильных газонов неприятно колол кожу. Её мама сказала, что пора ехать домой, на поминки. На полпути она остановилась, схватила ладонями лицо сына и умоляюще сказала: «Сыночек». Сжала его в объятиях, как безвольную мягкую игрушку, и долго не отпускала.

Лёша остался у могилы. Я сказала, что у меня поезд и что тоже побуду немного здесь. Пока мы оба молчали, я нашла Наташу в соцсетях и написала, что сегодня хороним Женю на Акуловском кладбище: утонула в речке у дома. Она тут же ответила: «Мои соболезнования. Это большое горе, совсем молодая».

– Лёш, а ты знал Наташу, Женину подругу? – спросила я, когда все скрылись из вида.

– Нет.

Я кивнула:

– Лёш, она тебя любила.

Он нахмурился, как ребёнок от кислого, и встал с колен.

– Не надо вот этого. Я не знаю, что это было: любовь, не любовь. И не знаю, зачем она утонула. Я ведь не винова-ат.

«Виноват» он словно запел. Я молчала, он пытался успокоиться.

Вскоре за Лёшей приехала жена, и он ушёл. Я достала из сумки купленную вчера статуэтку и поставила рядом с венками. Холодная красота Жени на фото перекликалась с бледными губами и чёрными глазами фарфоровой русалки. В нашу последнюю встречу Женя сказала, что держит эти статуэтки дома, чтобы её болезнь переселилась в них и освободила душу. Назвала себя шаманом и посмеялась.

Ещё минуту я постояла, ожидая, что Женина душа освободится и что-то произойдёт. Солнце скроется за тучи, например. А после направилась к выходу, уже начиная принимать и кладбище, и солнце, которое почему-то светит на этом кладбище, и многое из того, чего даже Женя не могла объяснить.

Венера Подвальная

Подмосковье, тридцать три километра от МКАД, квартира чеканщика. Окна закрыты, но зимний ветер глухо посвистывает через раму. «Когда-то эту раму в самом деле мыла мама», – думает он. Сначала старую деревянную с облезлой краской, потом эту – гладкую, белую. Когда

женился, поставили дорогие пластиковые окна: ночная кукушка, то есть жена, перепела дневную – и выкинули вату с дохлыми мухами. Но мыла мама недолго и вскоре умерла от рака. Она долго умирала – это важно, – а потом только умерла.

Если бы судьба предложила, кого бы он вернул? Мать с того света или жену из другой семьи? Жену. Матери всё равно придётся умирать.

Уже не жена, а другая женщина, Маша из «Тиндера», стоит у раковины и чистит картошку. У неё ребёнок от прошлого брака, копеечная работа и преданный характер.

Сидя за ноутбуком, чеканщик смотрит ей в спину:

– Я сегодня в мастерской, наверно, заночую.

– А что так? – спрашивает она, в самом деле расстроившись.

– Дары не успеваем к сроку сдать.

«А зад всё-таки плоский. В целом ведь полненькая, а зад впуклый. Композиция нарушена», – думает чеканщик и возвращается к экрану.

– Как знаешь. А, я тебе прикол не рассказала… – натянув улыбку, поворачивается она к нему.

– Ого. В Крыму наводнение, – прерывает чеканщик.

Маша не спеша смывает картофельную землю с рук, отключает воду. Он молчит, внимательно пробегая глазами по строчкам.

– У тебя ведь бывшая там до сих пор?

По-прежнему молчит.

– Ну ничего, наверно, не на берегу живут, не затопит, – то ли шутливо, то ли всерьёз говорит она.

Пока он обувается, Маша стоит рядом, прислонившись к стене. Чеканщик прячет взгляд: в конце концов, она ведь не виновата.

Он садится в свой тихий и мягкий «форд» и старается думать о приятном. О предстоящем переезде в другую

квартиру, о заказанном по его эскизу дубовом столе, о том, что новый дом не будет хранить отпечатки его старых проблем и сдерживать будущую судьбу в затвердевших оттисках. Как ни старается он мечтать об этом, стены внутреннего дома не выпускают его из воспоминаний.

Чеканщик открывает железную дверь подвала и включает свет. В самом конце обшарпанного коридора, рядом с туалетом, его мастерская. Грязная и пыльная, но он бы не смог работать в другой. Стеклянный шкаф давно просит ревизии, при желании что-то можно продать, другое переплавить, а остальное выбросить. Оттуда же, из центра шкафа, будто приклеенная к стеклу, смотрит на него проклятая гравюра. Мужики прозвали её «Венера Подвальная», по месту происхождения. И иногда чокались с ней на попойках. Когда у кого-то возникала идея сплавить что-то не по инструкции – гениальное и заведомо провальное, смешать стили, обойти закон формы, поддаться горению души, – его отсылали молиться Венере Подвальной.

История этой гравюры началась три года назад, незадолго до Крымского фестиваля, став символом то ли душевной ущербности, то ли просто глупости. Чеканщик бродил по воспоминаниям, словно привидение, забывшее человеческую жизнь и изучающее её снова и снова.

Несколько дней подряд, без отдыха, в период исступлённого творческого порыва, в этой самой грязной мастерской чеканщик отбивал гравюру. Позади него на закопчённой плите грелась смола, и на столе ярко светила электрическая лампочка. Каждые пять минут он проверял работу, поднося её к са́мой колбе. И в какой-то момент точный орнамент и тонкая фактура вдохнули в его изделие и душу, и содержание. Всё лучшее, что чувствовал в своём сердце, он отдал этой работе. Это лучшее тяготило его, как переспелый и никому не нужный плод.

Чеканщик растил и лелеял его, потому что ждал, что однажды Прекрасная Елена всё-таки придёт и сорвёт его.

В их последний разговор в подвале она спросила:

– А церковные заказчики у тебя спрашивают, православный ты или нет? Это ведь важно, чтобы мастер был верующим, как иконописец?

– Нет, не спрашивают. Один раз у нашего Женьки в интервью спросили, как часто он ходит в церковь. Он, дурак, растерялся, покраснел, замямлил, что не часто, работы много, – захохотал чеканщик.

– Я знаю, ты верующий. А я – нет.

– Ну ничего, потом придёт.

– Церковь говорит, что разводиться – грех. А если люди не любят друг друга и продолжают жить вместе, то разве это хорошо? – и посмотрела своими накрашенными глазами так серьёзно. Наверно, она и правда была хорошей актрисой.

Лена ещё училась в школе, когда он впервые увидел её в мастерской её отца, находящейся в том же подвале. Блёклое бесформенное существо, тихо шуршащее по коридору. Потом она вошла в стадию гадкого и яркого утёнка, который смело пробует всё, что блестит. Это был этап грубой работы, когда по модели выплавляют восковки, но всё не то, пока внешняя формочка не зайдёт в пазы рождённого в сердце образа. А дальше – тонкая, въедливая работа, требующая терпения, по доработке рельефов, облоя, дефектов литья. И она стала той, какой её задумала природа. И уже Прекрасная Елена сидела в его мастерской и рассказывала про влюблённых однокурсников. Приходила без отца, просто так. Лак на её ногтях менялся так же часто, как и её истории. Каждый день в коридоре он видел картины её отца и смеялся над ними, потому что главное произведение этого художника – дочь. Она результат чуда, алхимии, а не духовного пота и кро-

ви. Вот как объяснить: в одно и то же время закладывается в литейную печь одна и та же шихта, но в одной ёмкости она плавится, а в другой – нет. Так же не понять, как из бездарного материала рождается сокровище.

После того как она уходила, он наливал в её кружку кофе и боролся со своим представлением о добре и зле. И когда он сдался, Лена перестала появляться в подвале да и вовсе отвечать на сообщения.

Её легкомысленные слова о разводе застыли в сердце чеканщика, превратившись в его опору. Проверив гравюру глазами, напоследок он медленно провёл пальцами по обработанной поверхности. Гравюра готова. Такая же неземная, как и её первообраз. Такая же чистая, как иконный оклад. Чеканщик почувствовал, что это именно то, что он хотел бы ответить Лене – словами, воплощёнными в материи. Так он думал тогда…

Так он думал и на Крымском фестивале, сидя на краю первого ряда (чтобы быстрее добежать до сцены) и держа в руке гравюру. Её труппа показывала спектакль.

На сцене Лена в белом платье стояла над лежащим парнем. К спинам обоих были приделаны широкие крылья. В руках она держала зажжённую лампу.

– Они ангелы? – спросил чеканщик у соседа, незнакомого мужчины, чьего лица тогда не запомнил.

– Амур и Психея. Спектакль так называется. Миф.

– А-а, да, точно, – вспомнил чеканщик.

Голос из-за кулис сообщил, что капля горячего масла упала на Амура и тот проснулся. Актёр тут же вскочил, оттолкнул Лену и на качелях поднялся над центральной стеной. Его юбка развевалась на ветру.

– О неразумная Психея! – вскрикнул он.

Тут чеканщик заметил большой живот под платьем Лены. Накладной? А вдруг нет? Всё может быть, он так давно её не видел.

– Помнишь, что говорил я тебе: если заглянешь мне в лицо, никогда больше не увидишь меня. Так запомни: нет меня теперь с тобой, но на тебе моё проклятие!

Актёр взмахнул рукой и плавно опустился за картонную стену.

Не смог чеканщик дождаться окончания аплодисментов, кинулся к сцене с гравюрой в руке. Пара ступенек отделяла его от Елены. Он услышал чьё-то недоуменное «куда он?». А на третьем шаге остановился, увидев, что из-за кулис снова выходят актёры.

«Чёрт, поклон же ещё», – понял он и попятился.

«Именно тогда нужно было остановиться и потащить себя на самолёт, обратно домой. Как-нибудь всё бы устаканилось», – говорил себе после чеканщик. Но путь назад был невозможен. Только вперёд, всем своим наваждением, как будто наваждение было демоном и могло сотворить невероятное, сломать положенный ход вещей. И эта слепая сила, как только вереница актёров скрылась за кулисами, понесла бедного чеканщика к сцене.

Зрители ещё не успели встать с мест, как на подмостки выбежал непричёсанный мужчина в растянутой футболке и взял микрофон. Сейчас, спустя три года, казалось, что не может быть на свете человека более нелепого и глупого, чем он был в тот момент.

– Всем привет! Я Паша-чеканщик. Ради этой девушки я пошёл бы войной на Трою. Елена, прекраснейшая из смертных, я тебя люблю!

Зрители завопили и щедро осыпали оратора аплодисментами. Он ещё стоял на сцене, повернувшись к кулисам, но люди раньше его поняли, что продолжения в виде появления Елены не будет, и разошлись. Чеканщик не сразу почувствовал, что кто-то дотронулся до его плеча, – это был тот самый сосед, что подсказал название спектакля. Тогда-то он и рассмотрел его: худой, бело-

брысый, сдержанный. Интеллигент. Похож на школьного учителя.

– Пойдёмте выпьем чего-нибудь. Вам, наверно, голову напекло, – сказал он.

Чеканщик посмотрел сквозь него и рванулся к выходу. Лена, уже без живота, стояла неподалёку с труппой и курила.

– Лена, привет.

Она как будто не услышала.

– Ле-на-а! – крикнул он.

Ей пришлось подойти. Паша молчал и нервно посмеивался. Она смотрела на него как на что-то отвратительное.

– Ну что это, блин, такое? Мне твои преследования да ещё тупые признания на фиг не нужны. У меня же парень, и ты об этом знаешь. Я уже не говорю про твою семейную ситуацию. Я никогда не давала никакого повода, ну ведь скажи?

Чеканщик не нашёл что ответить. Он не понимал ни Лены, ни себя – никого и ничего, только верил, что достоин настоящего и непреходящего счастья.

В тот же вечер на фестивале появилась жена. Он сидел один на берегу, когда его окликнули:

– Эй, чеканщик! Тебя там жена ищет.

– Жена? Вы не перепутали?

– Говорит, Паша зовут и он чеканщик.

Жена стояла у входа на КПП. Она приехала с завитыми волосами и накрашенными губами – чеканщик удивился её внезапной праздничности. Но, как и прежде, была жалка и несчастна. Он чувствовал её как металл, с которого забыли снять шлак.

– Ты не отвечаешь на сообщения, – выкрикнула издалека.

– Ты чего примчалась, мать? Из-за того, что не отвечаю?

Жена резко зашагала в сторону охраны.

– Тебя не пропустят. Ты не регистрировалась!

Охранник в самом деле не пропустил и продолжил с интересом наблюдать за семейной сценой.

– Домой поехали, – сказала жена властно, но звучало это всё равно жалко.

– Фестиваль завтра закончится, и приеду. А ты давай домой. Со мной всё в порядке.

Она швырнула сумку на землю и пустилась в ругань.

– Да заткнись ты, – приблизился он то ли чтобы закрыть ей рот, то ли чтобы напугать. – Ещё раз повторяю: ничего у нас с ней нет. Ты доконала уже ездить за мной. Вот здесь у меня это всё, – зажал своё горло. – Не собираюсь с тобой разговаривать, пока не перестанешь беситься, поняла? Надеюсь, ты где-то остановилась?

Они шли к хостелу; жена всхлипывала, он злился. Остановились у киоска, потому что у неё не было еды на вечер.

– О, а что это? – неожиданно спросила она, показывая на груду аппетитно блестящей выпечки.

– Хворост, нам каждое утро привозят. Свежий, очень вкусный, – ответила продавщица.

Паша купил ей хвороста, вина и пельменей. А потом они шли и вспоминали, как несколько лет назад отравились на море вафельными трубочками со сгущёнкой, а вдобавок подцепили вшей. Паша говорил, что хворост там тоже продавали, мужики каждый день ходили с тюками вдоль береговой линии и кричали: «Свежий хворост!» Но она, видимо, не знала, что это такое, и всегда брала трубочки. Жена этого не помнила и не спорила.

– И в детстве тебе наверняка готовили хворост, – говорил он, раздражаясь.

– Нет, точно не готовили, – отвечала она.

Из-за этого хвороста чеканщик воображал тогда, что жена не только для него чужая, но и для всего мира, что не родилась она, а возникла сама собой, как глюк в компьютерной игре. И не человек она вовсе, а набор случайных хромосом или чего-то ещё.

У входа в номер жена начала трясти его и молотить, потому что он не собирался оставаться у неё на ночь. Но тут же пришла в себя и, словно в приступе нежности, обняла и быстро заговорила, но чеканщик почувствовал, как её рука, сжимающая что-то, лезет в его карман. Паша схватил это «что-то», и оно шипами въелось в его кожу. Раскрыл ладонь и увидел мешочек с выглядывающими из ткани остриями иголок.

– Она приворожила тебя! Мне гадалка сказала, – заревела жена.

– Дура долбанутая, – будто выхаркнул чеканщик.

Силой вырвался из её рук и исчез. Правда, часом позже взял трубку после её настойчивых звонков и пообещал прийти завтра в кафе, чтобы ещё раз поговорить обо всём. Но не пришёл. А, подавленный и разбитый, словно в больнице, лежал на белом постельном белье в отельном домике. До конца не зная, идти или нет. И чтобы не принимать решения, просто уснул.

А жена в это время ждала его в прибрежном кафе с покачивающимися на потолке абажурами… Наверно, тогда и подсел к ней этот местный театрал, он же интеллигент, он же учитель. И она вышла за него замуж, родила двоих детей. От отчаяния или полюбила? Как так получилось, что на спектакле Паша подсел именно к нему? А теперь тот занял место рядом с его женой. Любит ли она его сейчас?..

Он не звонил жене первые полгода после Крыма. Тогда думал: исчезла, и бог с тобой, хорошо. Отвязалась. А потом увидел фотографии на её страничке и узнал его. И перестал представлять её чужой, случайной.

Если по матери он горевал два года, то сколько ещё будет вспоминать жену? Уже давно он начал представлять её ожидающей за столиком в кафе в красном платье, хотя такого у неё не было, с прямой спиной и любящим взглядом. Это видение стало центром его жизни. В зажёванных фантазиях он никак не мог коснуться жены или окликнуть, а лишь покачивался, как абажур. Сегодня в эту картину вмешалось море, которое наступало своими жилистыми волнами и топтало под собой и кафе, и жену, и его. «В Крыму произошло наводнение» – мелькали перед глазами слова.

Чеканщик открывает стеклянный шкаф и достаёт гравюру. Он изобразил на ней Лену в образе Венеры Боттичелли. Очень странно. Так много времени просидел над ней, столько яростных сил вложил, но не заметил, какая устрашающая Венера у него получилась: вырезанная на металле, она походила на ведьму своими длинными волосами и чёрными глазами. Проклятая Венера, забравшая у него жену.

А вечером, сидя в новой квартире за дубовым столом, он спрашивает у своего привидения, чем прогнать тоску. Привидение смотрит в окно, и перед глазами чеканщика появляется мать, которая снова моет раму, и руку её, красную от холодной воды, хочется расцеловать, прижать к щеке и заснуть. Но мама не даёт руки́ и исчезает. Квартира снова заполняется пустотой. Тогда чеканщик дотрагивается до пустоты и пальцами мастера прощупывает её фактуру, пытаясь разобрать рисунок. Круговой лабиринт. То ли и правда он чувствует его кожей, то ли это просто отпечаток его пальца? Он замирает, стараясь присмотреться и разобрать, что принадлежит пространству, а что – ему. И вдруг слышит раздражающие Машины шаги. Она с накрашенными губами и завитыми волосами заходит в комнату и рассказывает какой-то несмешной

прикол. А он чувствует её как металл, с которого забыли снять шлак.

Маша уходит, и чеканщик снова возвращается к пустоте. Встаёт, плотно прижимает ладони к окну, отрывает их и на мгновение видит в отражении странную и неизвестную гравюру. Чем сильнее он пытается поймать видение, тем более знакомым оно ему кажется – такое же нелепое и бездарное, как его жизнь. Он понимает, что эту неуловимую гравюру нужно годами переплавлять, перебивать и чеканить снова и снова, и никто, кроме него, этого сделать не сможет. Но чеканщик не чувствует сил, в глазах его темнеет, ему почему-то тошно и страшно, и, чтобы прийти в себя, он отворачивается от пустоты.

Вампир

Мальчик не боялся ни ливня, ни жары, потому что внутри него было ясно и хорошо.

Держа на ладони краба, он подошёл к женщине:

– Смотри.

Она вздрогнула и, не взглянув на мальчика, отвернулась к планшету.

– Страшно? – спросил он. Наверно, он жил полными эмоциями и не умел понимать спрятанное.

– Да.

От солёного моря сладко пахло по всему посёлку. Каждое утро по пути на пляж Оля останавливалась у шелковицы и обирала созревшие за ночь ягоды. Срывать нужно было только чёрные, легко отходящие от ветки, иначе покрасишь пальцы. Без особой радости искупавшись в море, она торопилась обратно, чтоб не напекло голову, не сожгло кожу. Заходила в киоск за мясом и кратчай-

шим путём шла к отелю, где на веранде уже стояли коробки с настольными играми.

– Будешь в «Имаджинариум»? – тут же из-за угла спрашивал мальчик.

Её умиляло, что он ни разу не назвал её на «вы».

К столу подходили двое его друзей помладше, они разговаривали только между собой и с мальчиком.

– «Крымский вампир», – назвал мальчик ассоциацию и выложил карту рубашкой вверх.

Остальным игрокам нужно было найти среди своих карт подходящий рисунок. Женщине повезло: ей попалась грудастая медсестра с кровью на губах, на которую все и поставили, а на карте мальчика не заметили комара. Её слон пошёл вперёд, его – назад.

Иногда мальчик вставал и читал стихи, будто на сцене. Оля боялась показаться глупой и не спрашивала, чьи это стихи. Ей хотелось думать, что это его, сочинённые здесь, в Крыму. А вечером он брал гитару и пел про вола с исполненными очами, и женщина улыбалась такой милой нелепости. Оля же пела плохо и хорошо это понимала. Поэтому в её жизни не было ни музыки, ни стихов. Зато с цифрами всё сложилось. На работе она считала конверсию сайта, после работы – ступеньки в подъезде, перед сном – доходность акций. Каждый час – сколько лет прошло, как она перестала жить.

Оля прилетела в Крым одна, с надеждой найти того, кто сделал бы её счастливой, потому что самой стать не получалось. Отчаянное воображение рисовало ей многочисленные знакомства. Но мужчины выглядели незаманчиво или приезжали с семьёй. Поэтому после моря она возвращалась на веранду отеля. В её чашку падали цветы дикого винограда, обвивавшего крышу. Оля их не вылавливала и продолжала пить чай. Там она и познакомилась с мальчиком. Он стоял в двух шагах и бережно

собирал свою удочку и оттого казался ей и мальчиком, и любовником, и отцом.

Она рассмотрела его хорошенько уже на следующий день.

Каждую неделю в отель приезжал мужчина с бедными глазами, клал журнал из пяти страниц на стол веранды и как-то нехотя звал на экскурсию. Обгоревшие полные женщины толпились вокруг него, опираясь руками на стол, и гаркающие голоса их вылетали чайками, сталкиваясь между собой. Мальчик стоял в стороне, прислонившись к вишнёвому дереву, и смотрел в телефон. Он был сам как молодой саженец – гибкий и худенький. Его тело ещё не превратилось в юношеское: торс не сформировался в перевёрнутый треугольник и был прямоугольником с выходящими из него тонкими, лёгкими ногами. Оля опустила взгляд на себя. Она тоже была стройной, её фигура мелькала изящными углами плеч, грудей, коленей. Но в её случае природа медлила, подстраиваясь под душу, и честное отражение обещала лет через десять, когда сухость и замкнутость души обточат её тело, как холодный ветер обтачивает лёд. Только щёки сейчас тяжелели на лице, придавая грустный, заспанный вид. Она стояла поодаль ото всех, по другую сторону от мальчика, заранее решив записаться туда же, куда и его родители. Ей было всё равно, на какие скалы и волны смотреть. Вечер в номере или на мысе был, по сути, одним и тем же вечером с шумящим в голове ливнем и превращающим всё вокруг в ливень. Он стирал лица людей, их характеры, вымывал мел, соль, жизнь из земли, по которой она ходила.

На экскурсию она шла торопясь, прорываясь через привычный внутренний шум, словно пытаясь вылезти из большого сломанного телевизора с трещащей белой рябью. Сквозь этот шум она услышала приближающиеся сзади шаги мальчика.

– Тоже привык быстро ходить, – сказал он, поравнявшись.

Она улыбнулась куда-то вдаль.

– Когда не успеваю на бокс, то вообще бегу.

– У подруги сын твоего возраста, тоже уже как взрослый. Вы какой-то скачок резкий делаете с двенадцати до четырнадцати лет. Вчера ребёнок, а сегодня раз – и почти взрослый.

– Я два года назад не общался ни с кем, а сейчас у меня много друзей из старших классов.

– Ну вот, стал социально активнее.

– Как ты думаешь, лучше уйти после девятого или после одиннадцатого?

– Ты, наверно, хочешь после девятого?

Он кивнул.

– Я бы не советовала уходить…

Он всё спрашивал, пока Оля не поняла, что они заговорились и прошли нужное место. Пришлось повернуть и идти назад вдоль берега. Их никто не окликал, только вдалеке виднелись движущиеся к пирсу оранжевые жилеты. Она поторопила мальчика и представила, как его мать брезгливо посмотрит ей в лицо и запретит сыну приближаться к этой взрослой женщине. Но та, погружённая в ссору с мужем, не заметила их отсутствия.

Все зашли на катер. Незнакомые люди быстро перезнакомились и уже фотографировали друг друга. Женщины залезали на нос катера и кричали, поднимая вверх руки. Только Оля сидела молча и ни о чём никого не спрашивала.

Экскурсовод указал на скалу:

– Видите сеть, натянутую на столбы?

Пассажиры протянули ленивое «да-а».

– Это приспособление для ловли рыбы, использовалось здесь ещё греками. Сверху тянут за канаты, и сеть поднимается.

– Греки? Они ведь далеко отсюда, – сказал мальчик.

– Древние греки, – ответил экскурсовод. – А здесь в советское время боевых дельфинов тренировали, знаете для чего? – показывал он уже на следующую скалу. – К дельфину привязывали мину, он подплывал под корабль и примагничивался к нему. В итоге корабль взрывался вместе с дельфином. Но здесь есть проблема. Подумайте.

– Подплывали к своим кораблям? – спросил мальчик.

– Вот именно!

– Молодец, – сказала Оля и улыбнулась кипению жизни в мальчике.

Его отец перехватил улыбку и принял на себя.

– Моя школа! Я, когда подростком был, всю местную библиотеку перечитал… – начал он и гордо поплёлся по своим воспоминаниям.

Его жена тем временем общалась с другим мужчиной.

Оля надела тёмные очки и смотрела, как ярко и искусственно, будто синие блёстки на ногтях, играло солнце на воде.

Вечером на общую кухню она пришла в короткой сорочке. Мальчик резал салат, отец жарил курицу. Матери не было. Мальчик с заворожённым страхом взглянул на женщину и тут же отвернулся к овощам. Раньше, когда она была студенткой, такой потерянный взгляд вызывал в ней брезгливость. А сейчас воротило от нагло скользящего по сорочке взгляда его отца. Женщина потянулась за солью, стоя за спиной мальчика, и он замер.

Утром в день отъезда раздался стук в комнату. Женщина знала, что это он. Поднялась, взглянула на себя в зеркало, убрала петухи с волос, крикнула входить. Он поздоровался и замолчал. Она предложила пройти и выпить чая. Рассказала, где продают хорошую черешню, забыв, что такие вещи детей не интересуют, но понимая,

что ему нужно собраться с мыслями. Он пил маленькими глотками и ни к чему больше не притронулся.

– Это тебе, – достал он из кармана гладкий красный камень.

– Что это?

– Камень с берега, самый красивый.

Шум ливня внутри неё затих. В сердце прояснело, посвежело, и Оля думала, как поблагодарить его – по-матерински или по-сестрински, не навредив и не отравив. Разве что немного по-женски, то есть неравнодушно.

Но в комнату кто-то постучал. Они оба вздрогнули. Женщина подошла к двери и, не спросив, кто там, чтобы человек не зашёл, приоткрыла дверь, заслоняя собой обзор комнаты.

– Приве-ет, – сказал отец мальчика.

Она взглянула на него неприязненно, но он продолжал говорить:

– Я подумал, может, оставишь свой телефон? Ты говорила, что работаешь программистом. А я как раз собирался…

– Я только с юрлицами работаю, поищите на «Юду» или «Профи».

– Ладно тебе, может, просто поболтаем?

Она не успела ничего ответить, как мальчик оттолкнул её, юркнул через узкий проход, занырнув под руку отца, и пустился вон.

– А чё он там делал? – Отец испугался и съёжился.

– Возвращал кое-что. – Она не успела придумать что.

Неловко потоптавшись на пороге, тот ушёл. Оля несколько минут шагала по комнате, понимая, что так прощаться нельзя. Она вышла на общую кухню, но мальчика там не было. Гамаки на территории тоже были свободны. Будто внезапно отяжелев, она села на веранду и уткнулась в телефон. В очередной раз зашла на его странич-

ку – фото менялось меньше года назад, а какой он здесь ещё ребёнок! И почему-то на этой мысли её память выдала картинку: за воротами отеля, под тенью дерева, стоит одинокая скамейка, и она поспешила туда.

Мальчик сидел и старался храбриться, но смотрел всё равно умоляюще. Женщина села рядом. Положила ладонь на затылок, как кладут младенцу, чтобы держать его голову, пока не окрепли мышцы шеи. И поцеловала в бровь. Мальчик порывисто, словно в неравной схватке с врагом, поцеловал её по-взрослому. В то же мгновение в её голове всё перевернулось. Она открыла глаза, увидела того же мальчика, который вдруг стал ей противен.

– Мы теперь встречаемся? – спросил он. У него были глаза отца.

– Нет, мы не можем встречаться. Прости, зря я это сделала. Меня, честно говоря, и посадить могут.

Мальчик, кажется, готов был заплакать. Женщину это обрадовало: значит, он всё правильно понял.

– Никому не расскажем, ладно? – повторила она на всякий случай.

Мальчик кивнул, и она скрылась за воротами.

Вечер съел солнечный свет, и тёмный автомобиль подъехал к отелю. Со скамейки встали гогочущие парень с девушкой и одинокая женщина.

– Давайте помогу, – сказал парень, наклоняясь к её чемодану.

– Спасибо, я справлюсь, он лёгкий. – Оля поспешно закинула чемодан в багажник и села на место рядом с водителем.

«Как хорошо, что завтра меня здесь не будет, но лучше бы уехать вчера или совсем не приезжать», – думала она, рассматривая проплывающие мимо дома. Потом обрушился ливень. В общей игре ветра и молний казалось, что по лужам, наперегонки с автомобилями, мчат-

ся крупные рыбы, мерцая стальными спинами. В голове у женщины шумело, она всё считала воображаемых акул, когда на девятой наконец удалось забыть про мальчика. Она закрыла глаза, снова открыла – ливень за окном уже прошёл, но Оля его по-прежнему слышала.